

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ
ВОЛКОВ

РОМАН

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Ольга, княгиня зимних волков : роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 608 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-90854-7

Уже полновластно правят в Киеве Игорь и Ольга. Они стремятся расширить свои земли и завоевать господство на выгодных торговых дорогах. Потому-то и мешает им обособленная Смоленская земля, лежащая как раз на доходном серебряном пути. И тогда в голове умной киевской княгини возникает мысль сделать ставку на юную дочь князя. Вот и оказывается судьба Ведомы разменной монетой в политической борьбе, но тут в дело вмешивается любовь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Е., 2016
© Нартов В., иллюстрация
на обложке, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90854-7

Часть первая

*Ладога, 1-й год по смерти
Хакона Богатого Родней*

Как и многие судьбоносные события, это началось со столба дыма над Дивинцом. Дозорные давали знать, что с моря идет обоз. Этой вести Ингвар сын Хакона ждал давно и с нетерпением. Обычно он принимал гостей у себя в гриде, в крепости, но этот случай был особенным. Поэтому вскоре Ингвар, одетый в новый синий кафтан с синей же шелковой отделкой, уже стоял на причале возле устья Ладожки и вглядывался в близкую оконечность мыса, за которой расстился Волхов. Вот-вот оттуда покажутся первые корабли, которые он уже видел со стены. На одном из них едет его судьба. Еще немного — и он увидит свою будущую жену и новую хозяйку вика Альдейгья.

Однажды они уже встречались. Семь лет назад Ингвар, тогда тринадцатилетний отрок, ездил с отцом за Варяжское море, в Бьёрко: такой же вик, только в земле свеев, на берегу озера Лёг¹. Там уже почти сорок лет правил глубокий старик Бьёрн конунг, с которым

¹ Бьёрко, иначе Бирка — крупнейший торговый центр раннесредневековой Швеции, находился вблизи современного Стокгольма. (Здесь и далее прим. авт.)

ладожский воевода Хакон состоял в отдаленном родстве — таком дальнем, что его можно было подкрепить заново. У дряхлого Бьёрна имелась на то время последняя незамужняя внучка — Фрейлауг, девочка восьми лет. Когда Хакон намекнул хозяину, что был бы рад найти в его семье жену для сына, тот расхохотался, глядя на рослого нескладного подростка:

— Ну, куда ему жениться, он ведь... слишком стар для нашей Фрей!

— Пока невеста подрастет, я, глядишь, и помолодею! — не растерялся жених.

Ингвар сын Хакона имел куда больше оснований верить в себя и не теряться перед насмешками, чем это обычно бывает у подростков. Год назад, едва получив меч, он принимал участие в походе киевского князя Ингвара, своего тезки и дяди по матери, на богатую Романию. Поход окончился разгромом, живыми вернулись немногие, а юный наследник ладожского ярла приобрел и опыт, и веру в свою удачливость. Здесь на Бьёрко он хотел не только посвататься, но и нанять побольше дружины: ведь Ингвар киевский намеревался повторить поход, дабы смыть бесчестье.

— Ну, а пока не помолодеешь, я буду звать тебя Альдин-Ингвар — Ингвар Старый! — воскликнул Бьёрн конунг. — Приезжай опять лет через семь-восемь, я погляжу: если будешь уже достаточно молод, может, и выдам за тебя мою внучку.

Так за Ингваром сыном Хакона и закрепилось прозвище Старый. Под ним его знали по всему Восточному пути, от Бьёрко до Романии, что позволяло не путать его с Ингваром сыном Ульва, киевским князем. Прошлым летом он уже мог бы воспользоваться

приглашением Бьёрна, но как раз в это время умер его отец. Альдин-Ингвар был провозглашен воеводой Ладоги, и в этом качестве у него нашлось множество дел. Ему предстояло заключить новые договора со всеми князьями, конунгами и ярлами, чьи владения простирались к югу от Ладоги: до Константинополя за Ромейским морем и до Страны Рубашек за морем Хазарским.

Две важные ключевые точки — исток Волхова и Киев — трудностей не обещали: там сидела довольно близкая родня. Из Волховца¹, чей хозяин носил титул конунга, происходила мать Альдин-Ингвара, Ульвхильд, а ее младший брат Ингвар уже лет десять правил в Русской земле. Примерно столько же времени ему было подчинено племя зоричей, жившее на реке Ловати. Далее начинались земли смолян, где правил Сверкер конунг — родственник Бьёрна из Бьёрко, благодаря чему между верховьями Днепра, населенного кривичами, и берегами озера Лёг, то есть землей свеев, поддерживалась оживленная связь.

Взяв в жены внучку Бьёрна конунга, Альдин-Ингвар обеспечил бы себе наилучшие возможности для перемещения товаров и дружин. За минувшие годы он уже не раз совершал этот путь до самого Царьграда — дважды в составе войска руси, еще трижды с торговыми обозами. В свои двадцать лет он мог считаться одним

¹ Волховцом называется «Рюриково городище», которое существовало уже в IX веке, в то время как легенда о Рюрике появилась позднее; таким образом, в первые века своего существования этот пункт должен был носить какое-то иное, неизвестное название.

из самых опытных и сведущих людей в словенской части Восточного пути. Несмотря на молодость, он был вполне способен управиться с делами.

Вот только самому ездить за невестой ему теперь было и некогда, и не по званию. Поэтому еще летом, когда уходили последние корабли, он отправил на Бьёрко своего старого воспитателя, Тормода Гнездо, во главе посольства, которое должно было рассказать Бьёрну конунгу новости и предложить ему отпустить невесту к будущему мужу.

Как говорят словенские сказители, дело делается гораздо медленнее, чем об этом можно рассказать, но Альдин-Ингвар был человеком терпеливым и умел ждать. Но вот ушел в Нево-озеро последний лед с Волхова, берега покрылись зеленью, и даже старый Ингваров курган — словене называли его Дивинец — выглядел помолодевшим. Каждый раз, выйдя за чем-нибудь из дома, Альдин-Ингвар поглядывал в ту сторону: не видно ли дыма над вершиной? В свободное время он выходил на стену крепости и тоже смотрел на север — туда, где высокие курганы на ближнем берегу сторожили последний перед виком отрезок реки.

Альдин-Ингвар знал, что на свете много стран куда теплее. В Киев, где живет его дядя Ингвар конунг, лето приходит на месяц раньше, а уходит на месяц позже. В Херсонес, что на ближнем берегу Ромейского моря, зима едва заглядывает одним глазом, а в Романии ее вовсе, считай, не бывает: четыре года назад он провел там зиму с торговыми гостями. «Я из народа рос, с разрешения императора живу на подворье Святого Мамы», — он до сих пор помнил эти слова по-ромейски, которыми полагалось отвечать, если кто-то из местных

властей спросит светловолосого варвара, кто он и что здесь делает.

Но нигде он, рожденный на берегах Волхова, не чувствовал себя так хорошо, как здесь. Даже в угрюмые дни, когда серое небо отражается в серой воде, сея мелкие слезы на серые избушки под кровлями из увядшего дерна.

Хоть их род и считался варяжским, родина Ингвара сына Хакона была именно здесь. В эту землю был зарыт прах уже пяти поколений его предков — с тех пор как Ингвар, сын легендарного Харальда Боезуба, после гибели отца в битве при Бровеллире приехал сюда, в тогда еще почти пустынное место, искать себе счастья. Не раз над устьем Ладожки бушевало пламя, старый вик сгорал до основания и возрождался и вот дожил до хороших времен. Одд Хельги, которого словене звали Олегом Вещим, проложил путь до Романии, благодаря чему сюда и даже дальше на север потекли ромейские товары и восточное серебро. Ладога богата, собирая дань с окрестной чуди и сбывая ее на юг. С мыса между Волховом и Ладожкой глядя на север, туда, где из-за поворота зеленого берега должны были появиться корабли, Альдин-Ингвар улыбался, представляя, как будет показывать молодой жене ее новые владения.

Узнает ли она его? Со дня обручения Альдин-Ингвар заметно «помолодел». Прежнего подростка сменил мужчина значительно выше среднего роста, крепкий, с высоким, хотя довольно узким лбом, из-за чего щеки казались округлыми. Светло-русая борода окружала небольшой рот. Черты лица у него были правильные и производили очень приятное впечатление. Держал-

ся он приветливо, как человек спокойный, уверенный и дружелюбный, и был равно вежлив со всеми: как с придворными ромейского василевса, так и с ладожскими рыбаками.

Конечно, Фрейлауг тоже подросла. Тогда, в день их единственной встречи, она была еще слишком мала для суждения, что за женщина из нее выйдет. Но Альдин-Ингвар не сомневался, что его женитьба окажется удачной. Он не гонялся за красотками и в каждой женщине готов был ценить самую женскую сущность, в какую бы оболочку ее ни облекла судьба. Девушка королевского рода, уж ясное дело, научена всему необходимому, а с местными особенностями он познакомит ее сам. Они будут жить счастливо и дадут продолжение ладожскому ответвлению старого рода Скъельдунгов, восходящего к самому Одину. «Я богат своей родней — она у меня даже в Асгарде!» — так шутил прежний ярл Хакон, за что и был прозван Хакон Богатый Родней. От Одина Хакона ярла отделяли двадцать три поколения, и о каждом из предков он мог рассказать. Альдин-Ингвар, разумеется, тоже.

Однако в тот день, когда долгожданные корабли наконец появились на голубой глади широкой реки, молодому ладожскому ярлу потребовалось все его мужество. Вот корабли миновали короткий отрезок Ладожки между устьем и причалом, Альдин-Ингвар обшарил взглядом корабль Тормода, потом два следующих, но не нашел ни одной женской фигуры.

— Прости, вместо невесты я привез тебе плохие новости! — подойдя к сходням, развел руками Тормод Гнездо. — Эту девушку призвала на службу богиня Гевьюн.

— Ты хочешь сказать... — Альдин-Ингвар нахмурился.

— У них в Бьёрко зимой ходила горячка, многие болели. Умерли Бьёрн конунг, его младший сын и двое внуков. В том числе и она.

Альдин-Ингвар помолчал, пытаясь осмыслить эту новость. Ощущение было такое, будто он раскатился на санях с горы и со всего размаху врезался в невидимую стену. Все его ожидания и мечты враз стали ненужными. Развеялись, как дым. Не стало будущего, которого он ожидал целых восемь лет, и показалось, что и сами эти восемь лет были сном.

— А из наших людей... — С трудом собираясь с мыслями, он все же вспомнил, какой вопрос нужно задать.

— Нам пришлось похоронить там Глядоту, Большу и Фастульва. Ну да ничего! Там уже много наших. — По многолетней привычке Тормод называл «нашими» словенских купцов, иным из которых случалось умирать в поездках за Варяжское море. — Нам дали для них хорошее местечко. Там же, где, помнишь, Гороша Изрядович...

Альдин-Ингвар бездумно кивнул. Сердце заливала боль потери — как холодная вода. Он совсем не знал ее, Фрейлауг, дочь Олава, внучку Бьёрна, но хорошо знал тот образ, который взлелеял за эти восемь лет в своем сердце, и теперь ощущал такую же боль, как если бы потерял действительно близкого человека.

— Я привез тебе другого хорошего гостя. — Тормод сделал знак кому-то на корабле.

По сходням к ним приближался мужчина средних лет, темноволосый, с прямым носом, вытянутым

вперед, будто клюв. По виду незнакомец был человеком как решительным, так и учтивым. Синий кафтан с серебряной тесьмой на груди, зеленый плащ, отделанный широкой полосой цветного узорного шелка, золоченая застежка, настоящий рейнский меч на перевязи — весь его облик говорил о знатном происхождении и богатстве.

— Это Биргир ярл, сын Эйлива, доверенный человек новых конунгов Эйрика и Олава.

Гость поклонился:

— Понимаю, Ингвар, что не могу заменить тебе ту, кого ты ждал. Но все же надеюсь, наши встречи пройдут не без пользы.

— Не сомневаюсь в этом, — пробормотал Альдин-Ингвар, однако потом сделал усилие и взял себя в руки. — Рад приветствовать здесь посланца конунгов, сыновей Бьёрна. Сколько с тобой людей? В чем имеете нужду?

Через день ладожские старейшины — словене, варяги, чудины — были званы на пир в честь возвращения посольства. Все уже знали, что свадьбы не будет, и голоса звучали приглушенно.

Выяснилось, что у Олава за эти годы родились еще две дочери, но старшей из них сейчас было всего пять лет.

— Конунги поручили мне передать, что если ты пожелаешь, они отдадут тебе любую из этих юных дев, — рассказывал Биргир ярл. — Но и не будут в обиде, если ты сочтешь еще одно десятилетнее ожидание чрезмерным.

— Без княгини нам нельзя еще десять лет, — говорили старейшины.

Два поколения назад ладожская ветвь потомков Харальда Боезуба утратила звание конунгов и с тех пор считалась подчиненной владыкам Волховца. Звались они воеводами, но между собой ладожане до сих пор называли их своими князьями — и по привычке, и ради самоуважения.

— И также конунги передали тебе некий совет, если будет у тебя желание его выслушать, — продолжал Биргир.

Он говорил на северном языке, но в Ладогe его кое-как понимали не только мальчишки, но и собаки на пристани, а уж старейшины свободно общались с нем, как на родном. Многие и сами вели род от варяжских гостей, когда-то здесь осевших и переживших на словенках и чудинках.

— С удовольствием выслушаю совет от конунгов Эйрика и Олава, — учтиво кивнул Альдин-Ингвар.

— У тебя есть возможность подыскать невесту не менее знатную и тоже в родстве с нашими конунгами, причем не так далеко. Тебе известно, что родич Бьёрна конунга, Сверкер конунг, правит южнее твоих земель, на реке Днепр, в городе под названием Сюрнес¹. У него, как говорят, несколько жен и есть дочери.

— Я знаю Сверкера конунга, хотя не видел его дочерей, — подтвердил Альдин-Ингвар. — Он не показывал их мне, а я не спрашивал, поскольку у меня же

¹ С ю р н е с («свиной мыс») — предположительное скандинавское название Гнездовского городища, предшественника Смоленска. Расположен при впадении в Днепр ручья Свинка (иначе Свинец), поэтому его древнеславянское название могло звучать как Свинческ.

есть... была невеста. Но теперь, пожалуй, этот совет придется ко времени.

— Так ты все же сможешь породниться с нашими конунгами, а заодно и со Сверкером, — добавил довольный Биргир. — Я поеду отсюда к нему, и если ты пожелаешь, переговорю с ним об этом деле.

— Еще будет время об этом подумать. У тебя ведь есть и другие поручения к Сверкеру конунгу, надо полагать?

На это Биргир ответил лишь многозначительным взглядом и улыбкой: дескать, позже.

Все привезенные свеями товары сложили в клетки при гостином дворе и лишь два тюка, по виду тяжелых, взяли в дом. Тюки были обернуты в промасленную кожу и крепко перевязаны. Через день после пира Биргер пригласил Альдин-Ингвара к себе и упомянул, что привез франкские мечи: не хочет ли ярл взглянуть? Разумеется, ярл хотел — как женщина не откажется взглянуть на сирийские бусы или ромейские шелка, даже если не собирается ничего покупать. Тюк развязали, и на свет явились десяток клинков длиной почти в пару локтей: с коротким череном вместо рукояти, пока без гарды и ножен.

— Это заказ Сверкера конунга. Он пожелал приобрести мечи для своей дружины, и у него есть хорошие мастера, чтобы сделать полный набор¹. В уплату он послал соболей меха, которые получал с Волжского пути.

Альдин-Ингвар понимающе кивнул: какие-либо другие товары, кроме соболей, равные этому тюку по

¹ Набор — гарда, рукоять. Они часто делались для привозных клинков местными мастерами, знавшими вкусы заказчика.

стоимости, потянули бы на целый обоз. А тех соболей он помнил, поскольку получал десятую часть при перегрузке — как и любой владелец отрезка торгового пути. Теперь из этих двадцати клинков два причитались ему, и это был такой подарок судьбы, что даже тоска потери отступила.

Прихватив через льняной рушник, он взял клинок и повернулся к оконцу. Клинки еще не были заточены, но понимающие люди знают, что прикосновение пальцев вредит хорошей стали. Ниже будущей рукояти четко виднелись буквы, составлявшие надпись «Ulfberht», со знаками креста в начале и в конце.

— Похоже, что настоящие? — Альдин-Ингвар улыбнулся Биргиру.

— Надеюсь, что так. Хотя ты прав: в последнее время развелось много подделок.

— У нас тут Свеньша с Рановидом такой же скуют: сам Ульфберт не отличит.

— Мастер Ульфберт давно умер. Наверное, теперь кует мечи для дружины Одина.. хотя нет, он же был христианином. У нас есть верный человек, который может купить такие вещи. Ты знаешь, наверное, что короли франков запрещают продавать их язычникам?

— А ваш верный человек, как я догадываюсь, христианин?

Биргир снова улыбнулся:

— В торговых делах Крестус полезен. Поэтому непобедим тот конунг, у которого торговые люди — христиане, а дружина почитает Одина. Такой не пропадет и в мирное время, и в военное.